

Ж И З Н Ь

Архимандрита Никодима Казанцева ¹⁾

Господи, благослови!

Родился я въ 1803 году 5-го сентября утромъ, между заутренею и обѣдней, въ селѣ Комлевѣ • Знаменскомъ, бывшемъ графини Протасовой, нынѣ княгини Меншиковой

¹⁾ Впоследствии епископа Енисейскаго и Красноярскаго (1801—1870).

Авторъ издаваемой автобіографіи—Преосвященный Никодимъ, первый епископъ Енисейскій и Красноярскій († 1874 г.) Во многихъ отношеніяхъ это—одинъ изъ выдающихся іерарховъ Русской Церкви XIX вѣка—по стойкости своихъ убѣжденій, высокой чести, прямого и искренности. Онъ не безызвѣстенъ въ литературѣ. Такъ нѣсколько статей его напечатано въ Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, а именно: „Свѣсть о блаженномъ Василии Магазейскомъ“, „Городъ Енисейскъ“, „Варлаамъ Девисовъ“ и др. Въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1877 г. Т. II „О Филаретѣ Митрополитѣ Московскомъ моя память“. Въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1905 г. № 10. „О Святѣйшемъ Синодѣ“. Здѣсь же сообщены краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ. Полная біографія его начата была печатаніемъ въ Енисейскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1838—91 г. г., но почему-то пріостановилась.

Настоящее изданіе производится по инициативѣ преподавателя Красноярской Дух Семинаріи А. С. Богданова, доставившаго Редакціи точную копію автобіографіи Пр Никодима

Глубокой исторической интересъ издаваемыхъ записокъ открывается изъ непосредственнаго чтенія ихъ. Ихъ изданіе—самая лучшая для нихъ реклама.

Р.д

(Анны Александровны). Родители мои: дьячокъ Иванъ Ивановичъ Казанцевъ и супруга его Прасковья Борисовна.

Село Комлево новое. Мой батюшка вмѣстѣ съ священникомъ Владиміромъ Симеоновичемъ (уже скончавшимся въ ноябрѣ 1838 года) и пономаремъ Теодоромъ Петровичемъ первые опредѣлились къ сей церкви, только отстроенной графомъ Григоріемъ Никитичемъ Орловымъ. Они перешли въ Октябрѣ 1802 года. Слѣдственно, я въ полномъ смыслѣ родомъ Комлевскій.

Комлево, Московской губерніи, Рузскаго уѣзда. Отъ Москвы 97 верстъ, а отъ Рузы 6 верстъ. Село наше стоитъ на правомъ берегу порядочной рѣки Рузы, на прекрасной возвышенности, овальной, трехъ-гранной. Село стоитъ въ одну линію, лицомъ обращено къ востоку; посреди села, совершенно отдѣльно, поставлена церковь каменная, простой, но самой солидной и изящной фигуры. Она обнесена оградю. Внутри ограды—кладбище. Съ сѣвера, тотчасъ по окончаніи села, начинается садъ, нынѣ уже болѣе похожій на рощу: за нимъ—господскій деревянный домъ Екатерининскаго вкуса, довольно большой. Тамъ и нѣсколько флигелей для дворовыхъ людей и для разныхъ службъ.

Съ юга, противъ села, за глубокимъ, но живописнымъ оврагомъ, въ одну линію, которая обращена на сѣверъ, деревня, или часть самаго села. Мы ее называемъ—Вихрово. Она выше села. Тамъ гора уже огромная. На востокъ, чрезъ рѣку, виденъ лугъ съ полверсты шириною, а за нимъ древняя роща изъ березъ и сосенъ, къ несчастію, лѣтъ за восемь (въ 1832 году) опустошенная прошедшимъ по ней ураганомъ. Къ западу—задъ села; за нимъ тотчасъ начинаются поля и далѣе—лѣсъ. Мѣсто ровное, открытое, разсѣкаемое столѣтнимъ проспектомъ изъ березъ и елей, идущимъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, къ саду, называемому Жилкино. Вотъ мѣстоположеніе моей блаженной родины.

Матушка носила меня во чревѣ въ великихъ скорбяхъ—отъ разлуки съ родиною (для простыхъ людей это большое бремя). Матушка могла бы родить меня, можетъ быть, легко: но она едва не умерла, по ея рѣчамъ, отъ глупыхъ пріемовъ бабки, которая едва не проводила меня въ задній проходъ. Это ужасно! Батюшка, взявъ матушку, уже совсѣмъ умиравшую, на руки, тѣмъ способствовалъ моему рожденію:

я тотчасъ родился. Меня едва отдули (какъ у насъ говорятъ); съ полчаса я молчалъ: думали, что я умеръ. Такъ я тяжель для матушки.

Въ минуты моего рожденія видѣли на нашемъ домѣ ворона. Простые люди почитаютъ эту птицу вѣщею, пророчицею смерти чьей-либо въ томъ домѣ, на который она садится. Это и сбывается не рѣдко, но не отъ пророчества ворона, а отъ уливительнаго обоянія, которымъ онъ одаренъ, будучи притомъ плотояднымъ. Во время беременности мною матушки, у нея страшно болѣли зубы, такъ что изъ верхней челюсти въ самой серединѣ выгнили, или выпали два зуба, отчего матушка сдѣлалась щербатою, что немножко ее безобразило.

Матушка, сколько я запомню и какъ могу судить, должна быть женщина очень красивая: у нея весьма правильное и выразительное лице. Когда меня родила матушка, ей было 27 лѣтъ, а батюшкѣ не съ большимъ 30. Слѣдственно, они оба были въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ. Крестилъ меня въ церкви нашъ священникъ Владиміръ Симеоновичъ; а восприемниками были графъ и графиня Пратасовы, будучи еще дѣтьми. Графъ Стефанъ Александровичъ былъ тогда лѣтъ 7-ми, а графиня Анна Александровна лѣтъ 10-ти. Графъ скончался лѣтъ 14-ти. А графиня нынѣ въ замужествѣ съ княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Меньшиковымъ—нынѣ начальникомъ Морского Штаба. Весьма жалѣю, недавно, именно въ Генварѣ, предъ Крещеньемъ, въ 1840 году, въ Петербургѣ, въ торговой банѣ я потерялъ золотой крестъ, данный мнѣ при крещеніи отъ моихъ крестныхъ родителей.

Во св. крещеніи я нареченъ Никитою, по желанію матушки. вмѣсто потеряннаго креста, матушка, тогда бывшая у меня въ Петербургѣ, подарила мнѣ съ себя серебрянный и, въ тоже время, благочестивая дѣвица Александра Константиновна Мамошина, съ себя же—золотой. Я ношу ихъ оба.

Родители весьма утѣшились мною во младенчествѣ. Былъ прежде меня у нихъ сынъ Илья, но умеръ вскорѣ по рожденіи. Имъ хотѣлось, чтобъ я жилъ.

На первомъ году моей жизни случилось приключеніе, которымъ я едва не былъ потерянь. Госпожа, по Екатерининскому духу, когда-то вздумала сдѣлать потѣху, пускать ракеты, бураки и проч. Матушкѣ весьма захотѣлось посмотрѣть

на сіи дива. Она попросилась у батюшки и отдала ему меня, чтобъ онъ за мною ухаживалъ, если заплачу. Матушка ушла. Батюшка, укачавъ меня въ люлькѣ и, видя, что я уснулъ, захотѣлъ и самъ посмотрѣть на ту-же иллюминацію: тихонько собрался и ушелъ, оставивъ меня одного. Это было крайне неблагоразумно. Младенцы спятъ не долго. Вѣроятно, я тотчасъ проснулся и заплакалъ (младенцы любятъ плакать). Утѣшить некому. Матушка, думая, что батюшка меня успокоить, не спѣшила воротиться домой. А батюшка, къ одному неблагоразумію, прибавилъ другое: не подумалъ тамъ, на зрѣлищѣ, отыскать матушку и послать ее домой. Такимъ образомъ они, не выдавши другъ друга, воротились домой тогда, какъ насмотрѣлись досыта. Что же? Приходятъ и съ ужасомъ видятъ, что я отъ надсады сталъ уже дико стонать, весь почернѣлъ и сталъ пугаться и матушки. Съ сего случая, я день и ночь стоналъ безъ умолку нѣсколько мѣсяцевъ. Матушка, ходя за мною, отъ бессонницы сама сдѣлалась больна, даже потеряла было зрѣніе. (Матушкѣ возвратилъ зрѣніе французъ, жившій у графини. Онъ далъ пузырекъ жизненной Эссенціи *Lebens Essenz*, которая есть сокъ изъ цѣлебныхъ травъ. Пуская въ глаза по каплѣ сей Эссенціи, она возвратила себѣ зрѣніе, которое померкло было до того, что матушка не могла различать человѣка отъ дерева. Въ признательность за утѣченіе себя, матушка сею же Эссенціею донинѣ многихъ излѣчиваетъ отъ глазной боли).

Между тѣмъ я все стоналъ. Матушка положила обѣтъ: сходить со мною пѣшкомъ въ Можайскъ (25 верстъ) и тамъ помолиться предъ Чудотворнымъ образомъ Святителя Николая (рѣзной образъ изъ камня). Они пошли оба съ батюшкою. Сходили, помолились, и я утихъ и сдѣлался здоровъ.

Модная ученость! остановись здѣсь и подумай.—Я говорю не сказки. Такъ было; не смѣй же издѣваться надъ вѣрою простыхъ, которые находятъ помощь Божію тамъ, гдѣ ты ругаешься.

Послѣ сего, моя жизнь младенческая до семи лѣтъ протекла безъ особенныхъ приключеній. Сказываетъ матушка: я былъ здоровъ тѣломъ, очень красивъ, крайне застѣнчивъ. Меня любили господа. Брали къ себѣ; но я этого ничего не помню. Помню только два ситцевыхъ халата; ихъ мнѣ по-

дарила графиня (одинъ голубой, другой желтый,—шахматнаго рисунка), которые я по праздникамъ носилъ, и изъ которыхъ послѣ выросъ такъ, что они мнѣ стали и коротки и узки. А и это было до семи лѣтъ.

Батюшка меня выучилъ читать по славянски и отчасти писать и пѣть по нотѣ. Читать меня училъ батюшка такъ: сперва азбуку синодскую, потомъ Часословъ и наконецъ Псалтирь. Послѣ сего я сталъ уже умѣть читать хорошо. Мое младенчество кончилось въ 1810 году.

Мое ученіе въ училищѣ.

Въ 1810-мъ (или 11-мъ, не помню) меня записали въ Училище. Это было близъ 10-й недѣли послѣ Пасхи. Въ то время въ Саввинскомъ звѣнигородскомъ Училищѣ (гдѣ я записанъ) учителемъ былъ мой дядюшка по матери Николай Борисовичъ; онъ вмѣстѣ былъ и діакономъ при соборѣ въ Звѣнигородѣ. Меня оставили у него.

Николай Борисовичъ въ нашемъ родѣ былъ единственный ученый въ то время. Онъ кончилъ полный курсъ въ семинаріи. Тогда онъ самъ только что женился. Самъ онъ человѣкъ весьма живой и бойкій. Жена его—дочь московскаго діакона. Теперь видимъ, что она очень недалекая женщина: а тогда нашимъ деревенскимъ она казалась будто Царица Савская. У нихъ то я прожилъ (или полтора года, или) полгода, (не знаю). Дядя меня отлично любилъ, а тетка—женщина злая—не могла любить меня отъ того, что не любила никого. Это истинно удивительно: едва-ли я еще видалъ женщину столь злую.

Въ сихъ нѣжныхъ лѣтахъ я былъ весьма забавенъ своею наружною полуглупостію, которую по латынѣ хорошо называютъ *Fatuitas*. Меня почитали, что я ничего не понимаю изъ тѣхъ запросовъ, какими потѣшались надо мною; но ошибались: я все понималъ и забавлялъ ихъ младенческою откровенностію и незнаніемъ ухищреній и двоедушія.

Помню одинъ случай: тетка поставила къ завтраму пироги, или блины. Тѣсто поднялось такъ высоко, что пошло вонъ изъ посуды. Тетка кричитъ мнѣ: „Никитушка, ушли блины, бѣги скорѣй и запирай двери“.—Я довѣрчиво побѣждалъ и заперъ. Это было забавно, я сдѣлалъ это—по приказанію. Впрочемъ сколь тетка ни зла: но такъ какъ я не былъ ша-

лунъ, былъ тихъ и послушенъ, а также совершенно вѣренъ. то и она меня отличала отъ другихъ. А дядюшка любилъ Живя у нихъ, я только учился писать по русски и по латынѣ.

На мѣсто дядюшки (онъ вышелъ въ діакона же въ Москву, къ приходу Николая Чудотворца, что въ Новой Слободѣ: гдѣ находится и до нынѣ), поступилъ Иванъ Сергѣвичъ Лебедевъ. Онъ взялъ за себя дочь другого моего дядюшки по матери Матвѣя Борисовича—Марью. Слѣдственно, по женѣ доводился мнѣ двоюродный братъ. Меня оставили у него. Здѣсь начались уже мои страданія. Онѣ были отъ двухъ обстоятельствъ: 1) по скупости, или по глупости Иванъ Сергѣевичъ и съ женою иногда имѣли работницу, а иногда нѣтъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ насъ употребляли во всѣ домашнія работы. Мы и дрова рубили и воду носили, даже иногда и пищу готовили и за скотиною ходили. Словомъ: были сущіе работники. Собственно, на сѣн службы употребляли меня и еще одного, немного постарше меня. Но такъ какъ сей мальчикъ былъ побойчѣе, а я смиренъ и покоренъ безусловно, то меня и мучили больше всѣхъ. И какіе были мои лѣта? восемь лѣтъ, а насъ заставляли носить воду изъ-подъ прекрутой горы ушатомъ! Это было безумно и безчеловѣчно. Мучая меня такимъ образомъ безжалостно, они вовсе отвлекали меня отъ ученія: я не учился. Въ мѣсяцъ разъ, или два ходилъ въ школу, остальное время работалъ. И что еще, за всѣмъ тѣмъ насъ морили голодомъ. Не смѣй корочки хлѣба взять, кромѣ обѣда и ужина. Я былъ дитя: это было мое другое мученіе. 2) Съ нами вмѣстѣ жилъ братъ Марья Матв.—Павелъ. Онъ былъ въ высшемъ отдѣленіи и лѣтами былъ меня старше по крайней мѣрѣ четырьмя или пятью. Это былъ сущій мой тиранъ. По врожденному ли ему звѣрству, или по недостатку за нимъ надзора, или же и по моему безотвѣтному смиренству,—онъ меня билъ какъ собаченку ни за что, иногда даже только изъ удовольствія посмотрѣть: какъ я буду плакать. Онъ такъ изщипалъ мою голову, что, бывало, какъ я пріѣду домой на отпускъ, не дамъ матушкѣ дотронуться до головы: она вся у меня была, какъ чирей. (Это и отъ того, думаю, что насъ не мыли).

Бывало пойдемъ по утру въ классъ: среди дороги Па-

вель насъ обѣщеть и, горе тому, у кого онъ найдетъ корку хлѣба: изобѣтъ. Это его варварство и теперь мнѣ чувствительно. Но я не жаловался тогда даже и родителямъ: не смѣлъ. Я думалъ, что меня не защитятъ и родители, а только этого звѣря пуще раззлѣбятъ. Мои родители были бѣдные и между родными презираемые люди: я это видѣлъ.

Однажды осенью меня послали съискать и загнать домой гусей. Мы двое ходили за ними цѣлый день: не разъ перебраживали чрезъ рѣку (Москву) и по глупости и для скорости не раздѣваясь. Я не перенесъ сего: со мною сдѣлалась горячка. Однако, слава Богу, остался живъ.

Еще отъ несносныхъ страданій тѣломъ и душою, мнѣ приключилось здѣсь помѣшательство. Я убѣжалъ въ ближній лѣсъ, взобрался на высокую сосну; и если-бъ меня не отыскали и не сняли оттуда, я умеръ бы тамъ съ голоду, холоду. Хорошо сего приключенія я не припомню. Я былъ въ какомъ то полусознаніи. Помню только, что мои товарищи, ходя по лѣсу, кричали, клича меня по имени и фамиліи. Сидя на соснѣ, я пришелъ въ себя, откликнулся: ко мнѣ подбѣжали: во слѣзть не могъ. Не знаю уже, какъ меня сняли.

Такъ я прострадалъ до Юля 1812 года. Мы были отпущены на вакацію и съ того времени, кажется, цѣлый годъ мы не были въ училищѣ. Тогда были въ Россіи французы.

Скажу о мѣстоположеніи Звѣнигорода и всѣхъ мѣстъ, гдѣ я здѣсь былъ и жилъ. Звѣнигородъ маленькій городокъ и бѣдный. Стоитъ на неровномъ мѣстѣ на берегу Москвы рѣки (лѣвомъ); отъ Москвы 48 верстъ. Съ полверсты выше, на берегу же Москвы-рѣки, на прекрутой и, кажется, для крѣпости руками человѣческими выровненной и надбавленной горѣ поставленъ соборъ. Онъ стоитъ въ сей крѣпости уединенно; при немъ только четыре дома духовныхъ. И здѣсь-то, въ домѣ діакона, я жилъ и страдалъ.

Мѣстоположеніе удивительно прекрасное. Представьте: высочайшая и прекрутая гора (думаю, сажень 40 вышины въ отвѣсѣ), сушая крѣпость, кругомъ возвышена и отдѣлена отъ окрестности. На югъ, у самой подошвы горы большая дорога изъ Звѣнигорода въ Рузу; потомъ тотчасъ Москва-рѣка, вьющаяся между пріятнѣйшихъ луговъ, то ровныхъ, то холмистыхъ: за лугомъ, на той сторонѣ, большой посадъ

и церковь, подальше и лѣвѣ село Першино князя Лопухина, съ прекраснымъ домомъ и садами на скатѣ противоположнаго берега Москвы-рѣки; еще лѣвѣ—Звѣнигородъ. Направо—отдаленные виды чрезъ рѣку; правѣ, около двухъ верстъ разстояніемъ, Саввинъ монастырь. Затѣмъ—съ запада, сѣвера и востока страшные овраги, заросшіе лѣсомъ.

Сію то утесистую гору я орошалъ горькими дѣтскими слезами; здѣсь стоналъ и призывалъ утѣшенія съ небесъ. Меня не утѣшали прекрасные виды: душа моя была въ вѣчной тоскѣ. Отъ собора до Саввина монастыря около двухъ верстъ. Пѣшковыхъ дорожекъ двѣ: одна среди луга, другая по опушкѣ лѣса, въ полу-скатѣ холма, заросшаго вѣковыми вязами и дубами... По симъ то дорожкамъ грустно я хаживалъ въ Саввинъ монастырь, гдѣ наше Училище. Саввинъ монастырь есть одинъ изъ лучшихъ и примѣчательнѣйшихъ въ Россіи. Угодникъ Божій, Преп. Савва, современникъ Преподобнаго Сергія Радонежскаго и его ученикъ. Здѣсь онъ поселился, кажется, по желанію и по просьбѣ благочестиваго удѣльнаго звѣнигородскаго князя. Угодникъ Божій жилъ больше въ уединенной пещерѣ—версты полторы отъ монастыря, въ тѣсной ущелинѣ, поросшей лѣсомъ, близъ рѣчки Разварни. Теперь показываютъ это мѣсто; я бывалъ. Остались двѣ каменные стѣнки; вѣроятно, это было крыльцо или сѣни къ пещерѣ Угодника. Говорятъ, будто преп. Савва пещеру вырылъ въ землѣ: но послѣ, бока ея земляныя скипѣлись такъ, что обратились въ камень—чудодействующею десницею Божіею: я вѣрю. Тоже въ Кіевскихъ пещерахъ: камень точно зернистъ, хотя очень крѣпокъ. Я отбивалъ его для святыни.

Монастырь Преп. Саввы называется Сторожевскимъ вотъ почему: на мѣстѣ сего монастыря, прежде его, былъ пикеть, или наблюдательная сторожка, изъ которой высматривали непріятеля, который видно любилъ прокрадываться тихонько. Стоявшіе на караулѣ, завидѣвши непріятеля, тотчасъ давали знать въ городъ. Такъ гласитъ преданіе. Мѣсто дѣйствительно таково, что съ него виденъ большой горизонтъ на югъ и юго-западъ. Отсюда набѣгали на Россію Татары, потомъ Литва-поляки. Въ то время, когда Преп. Савва поселился здѣсь, видно такая сторожка была не нужна и монастырю она не мѣшала. И точно, въ то время граница

Россіи была далеко отдвинута на западъ, по крайней мѣрѣ, до Можайска, т. е. верстъ на 50 отсюда.

До временъ царя Алексія Михайловича монастырь Преп. Саввы былъ деревянный и бѣдный. Въ царствованіе сего Государя открыты нетлѣнные и чудотворныя мощи Угодника Божія. Алексій Мих., по совѣту Патріарха Никона, выстроилъ монастырь весь каменный. Церковь соборная обыкновеннаго стариннаго стилия, съ притворами съ запада и юга, какъ во многихъ московскихъ монастырскихъ соборахъ. Ограда—продолговатый параллелограмъ, очень высокая, сажени $3\frac{1}{2}$ и болѣе. По угламъ и надъ вратами украшена большими башнями. Среди восточной стѣны, надъ Святыми вратами поставлена большая полу-готическая башня, съ деревяннымъ, пирамидальнымъ шпигелемъ: онъ кончается большимъ вызолоченнымъ яблокомъ, а надъ нимъ огромный мѣдный, вызолоченный чрезъ огонь орелъ двуглавый—Царскій гербъ—знакъ того, кажется, что монастырь строенъ Государемъ и его казною.

Алексій Мих. любилъ здѣсь жить лѣтомъ. Сказываютъ, онъ живалъ здѣсь иногда больше мѣсяца сряду. Памяти его здѣсь много, а именно: въ ризницѣ: его парчевыя далматки и верхи шубъ; сѣдло, украшенное жемчугами и драгоценными камнями, съ серебрянными стременами; дорожный сервизъ, складной, серебрянный. Тутъ же: богатѣйшія Евангелія, сосуды и проч.; все его. Еще Псалтырь, писанная уставомъ, отлично изящно: заглавныя буквы золотыя, префигурныя. Это труды дочки Царя Алексія Мих.—Софіи. Говорятъ, Алексій Мих. за всеобщимъ читывалъ псалтырь по сей книгѣ. Умилительная простота и религиозность! Честь и Царевнѣ — двѣницѣ. Всѣ эти вещи я видѣлъ.

Рака, въ коей почиваютъ Святыя мощи Угодника, серебрянная, позлащенная, испещренная вся чеканною работою, вѣроятно, того же Царя Алексія. Противъ главнаго Собора вдоль западной стѣны выстроенъ огромный двухъ-этажный корпусъ: это зимній дворецъ Царя Алексія. Я бывалъ въ немъ. Убраны стѣны штофами и портретами царей и князей Россійскихъ. Остались стулья и прочая мебель. Комнатъ великое множество, но всѣ маленькія—и дверь противъ двери: это дурно. Внизу живетъ братія и съ Намѣстникомъ.

На южной сторонѣ корпусъ братскій двухъ-этажный-же. Въ нижнемъ этажѣ подвалы. Первый этажъ корпуса въ ямѣ: оттого съ площади монастырской его не видно. На восточной сторонѣ, противъ алтаря Собора, на нижнемъ каменномъ этажѣ стоялъ деревянный корпусъ. Это былъ лѣтній дворецъ Царя Алексія. Нынѣ онъ снятъ и изъ него (глупые люди) сдѣлали гостиницу. Я помню этотъ дворецъ. Здѣсь стѣны были оклеены штофными обоями — весьма красиво. Окна полуциркулемъ—итальянскія большія.

На сѣверъ отъ Собора другой храмъ—теплый. Онъ построенъ Шереметьевыми, которыхъ здѣсь довольно и похоронено внизу, подъ поломъ. На той же сѣверной сторонѣ, поближе къ западной стѣнѣ, поставлена готическая, со многими шпицами каменными, колокольня. На ней въ двухъ этажахъ висятъ колокола (ихъ очень много, думаю, около двадцати) и еще большіе колокольные съ четвертями часы. Въ нижнемъ этажѣ виситъ одинъ колоколъ въ 2,000 пудовъ. Онъ весь исписанъ. Отъ ушей къ низу пишется Царская фамилія съ славословіемъ Троицы. На самомъ концѣ три строки, только недавно прочитанныя. Въ нихъ не секретъ: мастеръ тутъ помянулъ себя. Онъ ухитрился: выдумалъ для себя небывалый алфавитъ и имъ изобразилъ, что хотѣлось. Буквы малыя и не рѣзныя.

Съ зданіемъ колокольни слито огромное двухъ-этажное и съ церковью зданіе. Въ немъ вверху была зала сажень въ двадцать длины и не менѣ десяти ширины. Это парадная трапеза. Царь самъ здѣсь иногда кушалъ съ братією. Внизу разныя монастырскія службы. За трапезою, къ сѣверу, были еще двѣ большія залы, раздѣленные сѣнями. Здѣсь то наше училище. Здѣсь то я учился семь (или восемь) лѣтъ (не умѣю сосчитать). За угломъ этого огромнаго корпуса, близъ восточной стѣны, былъ другой корпусокъ. Половина его была соляной сарай; въ другой половинѣ въ верху библіотека и Духовное Правленіе, въ низу въ полу-землѣ—наша несчастная бурса. Она при мнѣ неоднократно переформовывалась.

Нынѣ здѣшнее училище выстроено славно. Этотъ маленькій корпусокъ разобранъ и на его мѣстѣ выстроенъ новый двухъ-этажный, очень аккуратный. Здѣсь въ верху живетъ смотритель съ учителями, а въ низу ученики. Классическія

же комнаты надѣланы изъ той Алексіевской огромной трапезы. Она раздѣлена на нужное число залъ, и залы вышли богатыя.

Скажу, что мнѣ особенно памятно: а) Угодникъ Божій Преподобный Савва мнѣ являлся грѣшнику во снѣ. Представилось, будто я въ Соборѣ, гдѣ онъ почиваетъ, одинъ и ночью, при огняхъ. Стою позади его раки—въ головахъ и съ жаромъ молюсь ему и кланяюсь въ землю. Вижу, что угодникъ Божій изъ гробницы приподнимается и на меня смотритъ. Я съ ужасомъ это примѣтилъ. Подошелъ, однако, и облобызаль его десницу, которую онъ мнѣ подаль. Чистая, бѣлая, мягкая и теплая десница! Это я видѣлъ, кажется, уже будучи въ семинаріи и, помнится, будто въ реторикѣ. б) Надъ вратами монастыря, гдѣ входятъ, съ наружной стороны поставленъ образъ за стекломъ Преподобнаго Саввы, а со внутренней, безъ кивота, образъ стариннаго письма—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Я видѣлъ когда-то (кажется, опять уже въ Семинаріи, а не въ Училищѣ), будто на семь образъ Матерь Божія сдѣлалась живою, когда я Ей молился, и Она весьма благовоительно воззрѣла на меня. Это столь было утѣшительно моему сердцу, что я и проснувшись, былъ будто въ Царствіи Небесномъ. (Я устроилъ для сего образа кивотъ со стекломъ).

Помню еще, что мы хаживали по воскреснымъ и табельнымъ днямъ ко всеобщимъ и литургіямъ въ Саввинъ монастырь (съ квартиръ, впрочемъ, а не отъ Собора); насъ ставили въ притворѣ церковномъ ширинками. Помню, что мнѣ хотѣлось быть внутри храма и однако я сего сдѣлать не смѣлъ; помню, что прилѣпился къ лѣвому клиросу (должно быть уже въ высшемъ отдѣленіи) и считалъ себя за величайшее счастье видѣть своими очами Богослуженіе. Однако, въ осеннее время, хожденіе ко всеобщимъ было скучно.

Примѣчательно, въ великій постъ мы хаживали къ обѣднѣ въ среду и пятокъ, оставляя послѣдній часъ уроковъ, т. е. двѣнадцатый. Это было прекрасно. Нынѣ все сіе забыто и брошено: не хорошо!—пусть, по ребячеству это намъ, помню, было скучненько, но однако, иногда и отрадно. Помню, что иногда я молился въ преждеосвященныя обѣдни съ крайнимъ умиленіемъ: и доселѣ воспоминаю съ благоговѣніемъ заувѣнное пѣніе великопостное старцевъ-монаховъ.

Въ Іюль 1812 года французы были уже въ Россіи. Мнѣ было еще только 9 лѣтъ (и еще не вступно). Я не понималъ: что такое французъ; откуда и зачѣмъ онъ идетъ. А притомъ и мои родители, и поселяне, съ которыми мы жили, сами люди простые: и они не разумѣли здѣсь ничего. Воображали, что это суть такіе злодѣи, которые не оставляютъ живого человѣка; всѣхъ изрубятъ, все истребятъ, сожгутъ и проч. По малости лѣтъ моихъ, я не умѣлъ и бояться. Между тѣмъ, страхи начали усиливаться день ото дня. Черезъ наше село все болѣе и болѣе начали проѣзжать и проходить люди, бѣжавшіе отъ огня и меча французовъ. Ихъ рассказы приводили въ ужасъ нашихъ отцевъ; мы, дѣти, по дѣтски были безпечны.

Отъ нашего села Бородинскія поля около 25-ти верстъ разстоянія. Когда была сія страшная битва на Бородинскихъ поляхъ, мы были еще дома. Я помню, что слышенъ былъ какъ бы подземный гулъ и грохотъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Наши отцы, стоя на улицѣ съ поджатыми руками и поникшимъ взоромъ, считали сіи удары, и легчайшіе называли русскими, а крѣпчайшіе французскими. (Можетъ быть это и правда; русскіе къ нашему селу были задомъ, а французы передомъ. Притомъ вѣтеръ тогда былъ западный.— какъ тогда говорили,—слѣдственно, ярче приносилъ эхо отъ ударовъ французскихъ пушекъ). Помню, что сіи удары приходили какъ бы на что-то глухо подъ землею катающееся.

Не знаю, скоро-ли послѣ сего мы выѣхали. Только изъ села мы тронулись прежде, нежели вступили въ нашу Рузу французы. По крайней-ли бѣдности, или по простотѣ своей, а можетъ быть и по совѣщанію съ родными,—мои родители (съ священникомъ и пономаремъ) уѣхали отъ французовъ верстъ за 20 отъ своего села въ село Покровское-Шереметьевой. Тутъ священникомъ былъ братъ матушкинъ Матвѣй Борисовичъ. Сюда же прибылъ и дѣдушка Борисъ Гавриловичъ съ бабушкою (Изъ Рузы, священникъ Покровской Церкви). Наше село отъ Рузы всего въ 6-ти верстахъ; слѣд., здѣсь оставаться, безъ явной опасности, было невозможно. Село же Покровское, хотя также недалеко отъ Рузы (15 или 16 верстъ), но было въ сторонѣ—на сѣверъ и окружено большими лѣсами. Выборъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ порядочный.

Тогда отъ начальства было приказано строго: не оставлять своихъ мѣстъ никакому служащему. Посему въ Покровское мы сперва собрались съ матерями, а отцы наши оставались и служили. Черезъ день иль два и батюшка прибѣжалъ. Французы заняли Рузу. На другой день прибѣжалъ нашъ дѣдушка изъ Рузы (священникъ отъ одной изъ четырехъ церквей). Онъ ужаснулся, не найдя въ Покровскомъ бабушки и неутѣшно заплакалъ, полагая, что она погибла отъ французовъ. Это было вотъ какъ: духовенство въ Рузѣ, помня строгій приказъ отъ Архіерея: не оставлять своего мѣста и службы до самой послѣдней минуты, держалось уже совсѣмъ въ пустомъ городѣ. Бородинская битва была въ 30 верстахъ отъ Рузы. Ее было слышно и видимы зарева отъ необозримыхъ лагерей французскихъ и русскихъ. Послѣ битвы ужасной сперва потянулись Русскіе, а за ними французы чрезъ Можайскъ къ Москвѣ. Отъ Можайска къ Москвѣ есть прямой Смоленскій трактъ; по нему шли русскіе, истребляя все на дорогѣ. Французы, чтобъ не всѣмъ итти по опустошенному тракту, шли направо и лѣво, боками. Наша Руза была для нихъ въ лѣвомъ боку и всего въ 7-ми верстахъ отъ Смоленскаго тракта. Посему, въ Рузу вступила цѣлая дивизія, съ какимъ-то Итальянскимъ принцемъ. Наши духовные ихъ-то дождались.

Дѣдушка прибѣжалъ отъ протоіерея домой полумертвый, сказавъ, что французы уже въ Рузѣ. Сколь ни жаль ему было бабушки, но онъ не могъ взять ее съ собою вотъ почему: она за день до сего, выйдя на улицу ночью посмотреть на зарева, вывихнула себѣ ногу. Дѣдушка простился съ нею и бросился бѣжать. Когда онъ выходилъ изъ Рузы, французы уже ее атаковали. На площади ратники, не успѣвшіе выступить по назначенію, рѣзались съ французами. Ихъ всѣхъ порубили французы.

Въ Рузѣ стоялъ, готовый къ отпуску, но не успѣвшій выѣхать, огромный обозъ съ сухарями. Дѣдушка видѣлъ, какъ французы рубили мужиковъ и солдатъ, защищавшихъ обозъ. Гнались и за нимъ: мародеръ нѣсколько разъ махалъ саблею, чтобъ разрубить дѣдушку, но его спасла изгородь, около которой онъ бѣжалъ: сабля зацѣплялась за колья. Мародеръ бросилъ дѣдушку, когда онъ упалъ: то-ли думая, что онъ его разрубилъ, или, что вѣрнѣе, поспѣшая на по-

мощь своей брати, которые рубили людей и лошадей у сахарнаго обоза. Такъ дѣдушку спасъ Господь. Онъ прибѣжалъ въ Покровское не дорогою, а лѣсами и полями. Наконецъ пришла и бабушка, сопутствуемая вѣрною работницею Федосьею Григорьевною. Эта услуга работницы безцѣнна. И онѣ видѣли тысячи смертей и не могли отъ нихъ бѣжать: бабушка едва переступала; самъ Господь открылъ ихъ.

Когда собрались всѣ, радость нашихъ родителей просвѣтила ихъ, забыты всѣ ужасы. Однако, скоро опасности заставили подумать объ убѣжищахъ. Рѣшили: изъ села выѣхать въ лѣсъ и тамъ жить, сколько возможно. Забрали все имѣнiе и скоть съ собою. Въ домѣ оставили кого-то одного на сторожѣ. Всѣхъ насъ вышло семействъ десять, или болѣе. Проѣхавъ лѣсомъ версты три, остановились при елани (лугъ между лѣсами), устроили огромныхъ два шалаша и размѣстились семействъ по пяти. Мы дѣти, забыли страхи. Тогда было еще тепло; мы рѣзвимся, шалимъ, печемъ картофель, собираемъ ягоды.

У насъ въ деревняхъ есть повѣрье, которое думаетъ находить въ лѣсахъ лѣшихъ, въ водахъ водяныхъ и проч. бѣсовъ. Скажу: я помню, что вѣсколько ночей мы всѣ слышали вблизи насъ, будто рубить кто-то лѣсъ, дерево затрепцить и страшно ломаясь между смежными деревьями падаетъ на землю; послѣ того хлопаетъ кто-то въ ладоши и захохочетъ адскимъ смѣхомъ. Кто это—если не духъ нечистый! А меня, помню, не обманывали уши. На насъ напалъ тогда ужасъ, не смотря на то, что насъ было душъ пятьдесятъ въ одномъ мѣстѣ и мы съ нашими отцами. А что-же? Господь въ Евангелiи рекъ; духъ нечистый ищетъ, хотя не обрѣтаетъ себѣ покоя въ мѣстахъ безводныхъ (Матѣ. 12).

Въ лѣсу мы прожили около двухъ недѣль, какъ помнится. Каждый день прихаживали посылаемые отъ насъ въ село—навѣдаться, что тамъ. Французовъ не было. Между тѣмъ, день ото дня становилось холоднѣе: рѣшились перебраться въ село, а имѣнiе скрыть. Перебрались. Вырыли на дворѣ яму, поставили туда сундуки съ имѣнiемъ; яму заметали сперва землею, и навозомъ, потомъ разнымъ хламомъ, телѣгами, санями, бревнами. Что-же! въ самый первый день,

какъ перебравшись мы въ село, пожаловали французы. Мы сидѣли за столомъ; къ окнамъ подѣхали верхами французы, привязали лошадей—и къ намъ. Дождемъ разбѣжались, кто куда попалъ. Не помню: застали они кого изъ насъ, или мы всё убрались.

Въ этотъ день у насъ былъ родственный печальный обѣдъ. Скончался мой братъ Василій, младенецъ, по другому году. Матушка была въ слезахъ, но не тужили много, судя по своей крайней бѣдности и по ужаснымъ въ то время обстоятельствамъ. Послѣ, кажется, опять убрались въ лѣсъ наши отцы, напугавшись французовъ, которые, однако никого изъ насъ не обидѣли.

Однажды случилось: я шелъ изъ лѣсу въ село съ сыномъ Матвѣя Борис. Павломъ. Подходимъ къ селу, слышимъ барабанный бой. Взошли въ село: тутъ французы. Мы не воротились (потому, что въ селѣ была моя матушка). Кое-какъ прокрались до дома. Входимъ: у насъ французы за столомъ. Матушка имъ готовить пищу. Одинъ молодой человекъ, въ офицерскомъ мундирѣ, очень хорошо по русски говоритъ: „Вы насъ не бойтесь, вы наши. Вашъ Государь уже Наполеонъ. Москва взята. Вашъ Государь царствовать уже не будетъ. Не обижайтесь за то, что мы у васъ беремъ. Намъ надобно-же пить и ѣсть. У васъ холодно: надобно добывать теплой одежды. Намъ изъ Франціи заpastись ею было нельзя. Что дѣлать? Война никому не мила: пройдетъ все скоро. Будетъ заключенъ миръ: и вы будете по прежнему жить спокойно. Мы тогда вашего не тронемъ“. Этотъ молодой офицеръ долженъ быть Адъютантъ двухъ или трехъ старшихъ, сидѣвшихъ тутъ-же. Французы насъ дѣтей ласкали; посадили съ собою за столъ. Поѣвши, французы разпростились. Одинъ изъ нихъ, подойдя къ матушкѣ, хотѣлъ благодарить ее и для того ловилъ ея руку. Матушка, подумавъ худое, не давала руки. Французъ, или Итальянецъ. догадавшись, тотчасъ разстегнулся и показалъ крестъ, который у него былъ на груди, конечно, въ знакъ того, что онъ христіанинъ. У матушки прошелъ страхъ. Я видѣлъ, какъ этотъ Итальянецъ, не умѣя ни слова по русски, разными минами, самыми выразительными, показывалъ, что онъ помнитъ Бога и добродѣтель и что онъ самъ въ положеніи жалостномъ.

Въ то время, въ наше село пришло 150 человекъ французовъ. Сперва они были скромны; но послѣ зашумѣли, вотъ почему: начальники ихъ дали простымъ солдатамъ волю и они разбрелись по домамъ ища добычи. Одинъ изъ нихъ пошелъ въ овинъ къ одному мужику. Мужикъ это замѣтилъ: затрепеталъ отъ жалости и досады. А что такое?— въ его овинѣ спрятана была икона Скорбящей Божіей Матери, вынесенная изъ церкви и ему переданная на сохраненіе. На сей иконѣ былъ серебрянный окладъ. Мужикъ подумалъ: вѣрно французъ обдеретъ сей окладъ и можетъ быть истребить, или хотъ поругается надъ иконою. Что-жъ мужикъ вздумалъ?—Онъ схватилъ попавшійся ему деревянный огромный молотокъ (которымъ у насъ въ деревняхъ бьютъ глину для печей), подкрался къ овину и сталъ у угла сруба, гдѣ спускъ въ овинную яму: тамъ была Св. Икона и точно, французъ туда влѣзъ. Бѣдняжка французъ, найдя икону, тащилъ ее съ собою, вылѣзая изъ овинной ямы. Когда онъ высунулся столько, что его ловко было мужику ударить, мужикъ со всего маху хватилъ его тѣмъ деревяннымъ молоткомъ по головѣ, и несчастный бусурманъ покотился опять въ яму, какъ снопъ. Тогда мужикъ уже спустился къ французу въ яму и тамъ убилъ его до смерти, а икону взялъ и перепряталъ въ другое мѣсто.

Начальникъ французовъ чрезъ нѣсколько времени велѣлъ ударить въ барабанъ. Солдаты собрались, стали въ ширинки: одного нѣтъ! Немного подождали; пробили въ барабанъ еще: опять нѣтъ того же. Ударили въ третій: нѣтъ. Тутъ зашумѣли французы. Собрали, сколько могли мужиковъ; чрезъ переводчика разтолковали, что одного солдата нѣтъ. Требовали: отыскать его живаго, или мертваго, или выдать его убійцу. Иначе грозили—село сжечь, а ихъ всѣхъ перебить. Мужикъ, убившій француза, какъ то проговорился. Это узнано: и—его несчастнаго хотѣли выдать французамъ. Мужикъ догадался: бѣжалъ въ лѣсъ и скрылся. Французамъ мужики сказали: „точно, одинъ изъ вашихъ убитъ нашимъ мужикомъ; но мужика мы выдать не можемъ: онъ скрылся“. Французы, погрозивъ, вышли изъ нашего села. Пошли въ сосѣднее (Козлово), а тамъ въ деревню (Скирмоново). Эту деревню, обобравъ, французы хотѣли зажечь. Мужики вышли противъ нихъ съ дубинами, пиками и ружьями: началась битва.

Наканувъ сегодня, когда французы были еще въ нашемъ селѣ, дано было знать отряду казаковъ, стоявшихъ въ г. Волоколамскѣ, что у насъ французы. Казаки обѣщались пріѣхать. Они пріѣхали.

Мужики ударили въ набатъ въ сосѣднихъ селахъ: и тучами хлынули наши бородатые воины на битву, а именно къ той деревнѣ Скирмонову. Французы, завидѣвъ несмѣтное число мужиковъ, большею частью на лошадяхъ и изрядно вооруженныхъ, оробѣли, построились въ каррѣ (ибо на нихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ нападали) и стали мѣрно отступать къ нашему селу. Казаковъ пріѣхало 17 человекъ. Они скрылись въ сѣнномъ сараѣ, стоявшемъ на ровномъ лугу. Казаки дали приказъ мужикамъ, чтобъ французовъ тѣснить къ сему сараю. Приказаніе исполнено: французы уже близко подошли къ сараю. Вдругъ растворяются двери: казаки вереницею, какъ стрѣла, тотчасъ врѣзались въ каррѣ французовъ. Французы сейчасъ—пардонъ! Тутъ нахлынули мужики и начали терзать безоружныхъ французовъ. Казаки едва отбили мужиковъ нагайками. Всѣхъ французовъ убито около 30 и, кажется, почти всѣ въ то время, какъ они сказали пардонъ.

Эта битва была въ виду изъ нашего села, мы смотрѣли и все видѣли. Бѣдняжекъ французовъ, уже плѣнныхъ, обранныхъ, привели къ намъ въ село. Помню, я видѣлъ того молодого офицера, что говорилъ по-русски. Онъ былъ уже въ изорванномъ мужицкомъ кафтаникѣ.

Такъ наше село спаслось заступленіемъ Скорбяшей Матери отъ своей гибели.

Французы насъ посѣщали вѣсколько разъ, такъ что мы стали къ нимъ привыкать. Я видѣлъ однажды издыхающаго мужика, которому французъ прострѣлилъ пулею пахъ. Дуракъ! онъ погнался одинъ за тремя французами: французовъ не поймалъ, а свою голову потерялъ. Мы боялись между французами поляковъ. Это были ругатели и сущіе злодѣи. Имъ недовольно было обобратъ: они убивали и тиранили людей безъ нужды—племя злое!

Французы вышли изъ Рузы, дней пять спустя выхода изъ Москвы Наполеона. Кажется, они должны были погибнуть, или попасться русскимъ въ плѣнъ. По всей вѣроятности они не знали, куда итти для соединенія съ главною арміею.

Наполеонъ пошелъ къ Калугѣ и уже въ Смоленской губерніи былъ втиснуть на прежній трактъ: Русскимъ французамъ далеко было гнаться за нимъ. Французы въ Рузѣ было укрѣпились. У насъ въ городѣ точно есть древняя земляная крѣпость. Французы ее исправили, но не считая возможнымъ оставаться здѣсь навсегда, они поневолѣ должны были ее бросить. Это имъ не даромъ досталось. Выходъ ихъ былъ имъ пагубенъ. Тутъ было до ста казаковъ и не одна тысяча мужиковъ: перебили ихъ множество. Однако такъ какъ вступило ихъ въ Рузу около 12,000 человекъ, то, не смотря на огромныя потери (ихъ фуражиры рѣдко возвращались), они еще были очень сильны.

Ихъ вѣрно оставалось двѣ трети. Въ полонъ взять русскіе не могли, а только преслѣдовали ихъ, не знаю, до колѣ.

Тутъ случилась печальная исторія съ однимъ Русскимъ мѣщаниномъ: бѣдняжка, волею, или неволею, онъ былъ захваченъ французами въ Рузѣ при первомъ нашествіи ихъ. Французы ли его уговорили, или онъ самъ предложилъ имъ услуги, только онъ сдѣлался вожатымъ французовъ-фуражировъ. Наши отцы видѣли его между французами и въ нашемъ селѣ и узнавали его, хотя онъ одѣлся въ ихъ мундиръ. Французы, выходя изъ Рузы, не взяли его съ собою, (какъ онъ чаялъ), а оставили въ Рузѣ. И чтобъ онъ не скрылся отъ мщенія русскихъ (ибо они вѣрно знали, что русскіе узнавали его), они его привязали въ крѣпости къ столбу. Жалокъ конецъ сего несчастнаго. Казаки привязали его къ лошади и безчеловѣчно избили его нагайками. Велѣли указать его домъ; сперва обобрали его сами, потомъ русскимъ велѣли грабить его, кто что хотѣлъ; послѣ зажгли домъ его и его повели на арканѣ въ Волоколамскъ, безпрестанно стегая нагайками. Они его застегали до смерти: онъ брошенъ былъ мертвый за городомъ, отойдя съ версту. Жестоко мщеніе, но и преступленіе велико. Вотъ что я упомянулъ о нашествіи французовъ.

Какъ скоро узнано было, что французы очистили Рузу, наши родители собрались и тронулись обратно домой. Слава Богу! наше село уцѣлѣло—сожжено не было. Мы поселились опять въ своемъ домѣ. Начали собираться и крестьяне. Началось Богослуженіе. Народъ молился съ жаромъ. Всѣ

плакали о своихъ грѣхахъ. Всѣ обѣднѣли ужасно. Имѣнія половина растеряна, другая ограблена французами. Скотины нѣтъ; хлѣба нѣтъ же. Не знаю, какъ пробавлялись православные до лѣта.

Помню: носили по домамъ пѣтуха, чтобы онъ поводился тамъ и здѣсь съ курами. Во всемъ селѣ остался одинъ пѣтухъ и десятка полтора куриць. Моя матушка уберегла только двухъ.

По выходѣ французовъ, открылись повальные болѣзни, отъ которыхъ вымирали цѣлые дома. Тогда это несчастье приписывали алчности крестьянъ, ходившихъ на Бородинскія поля и тамъ обиравшихъ убитыхъ русскихъ и французовъ. Сказывали: иной глупый мужикъ, завидя на умершемъ хорошіе сапоги и не могши стащить ихъ съ замершихъ ногъ мертвого, отрубалъ ноги и съ сапогами приносилъ домой, чтобы, отогрѣвши ихъ въ теплѣ, вынуть мертвую ногу изъ сапога, такъ чтобы его не испортить. Не мудрено тутъ быть и заразѣ. И то сказать: Бородинская битва была 27 августа, а тѣла на семь полѣ начали собирать и сжигать уже въ глубокую осень, думаю, не раньше ноября. И такъ, удивительно ли быть заразѣ около насъ, когда больше двухъ мѣсяцевъ гнили на поверхности земли на однѣхъ Бородинскихъ поляхъ болѣе ста тысячъ человѣческихъ и конскихъ труповъ?—А сколько притомъ убито французовъ по окрестностямъ, во время ихъ гощенія у насъ. Они валялись всюду и на улицахъ и на поляхъ, на дорогахъ, вездѣ. Кромѣ сего: отъ сущаго голода люди въ сіе время питались кое-чѣмъ (потому, что хлѣбъ не весь успѣли собрать; а что и собрано было, то или отнято французами или сожжено).

Можетъ быть и Господь изливалъ останки гнѣва своего на насъ грѣшниковъ. Только помню, что людей мерло столько, что и въ маленькомъ нашемъ приходѣ (90 домовъ) едва успѣвали хоронить. Еще помню, когда на Бородинскихъ поляхъ жгли мертвые тѣла, смрадъ доходилъ и до насъ (около 25 верстъ). Можетъ быть, и этотъ смрадъ былъ заразителенъ!
